

18+

Дарья Аверина

Другая сторона Гранады

В тишине угасающих улиц

Дарья Аверина
Другая сторона Гранады.
В тишине угасающих улиц

<https://litres.ru/74147447>

ISBN 9785006990616

Аннотация

Пятнадцатилетняя Дария переезжает в Гранаду. Новая школа, новые люди — она привыкла быть чужой. Но вскоре замечает странности: гаснущие фонари, приглушённые звуки. А потом узнаёт правду: существует изнанка, населённая Безмолвными. Она единственная, кто может их слышать. Вместе с друзьями Дария вступает в борьбу. Но иногда враг — не тот, кто нападает, а тот, кого начинаешь понимать слишком поздно.

Другая сторона Гранады В тишине угасающих улиц

Дарья Аверина

© Дарья Аверина, 2026

ISBN 978-5-0069-9061-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог:

Меня зовут Дария. Точнее, так меня называют здесь, в Гранаде, растягивая гласные на испанский манер. Для своих я просто Дари, а в прошлой жизни, которая осталась за несколько тысяч километров отсюда, я была Дашей. Мне пятнадцать, и я — новенькая в девятом классе.

Спросите, как я сюда попала?

Моя семья решила, что переезд из России в залитую солнцем Андалусию-это «великое приключение». На самом деле, у нас просто не было выбора: моя аллергия на холод стала невыносимой, а родителям предложили здесь не плохую работу. Но пока моя главная цель не сойти с ума от жары и двух младших братьев Тёмы и Лёши. Я ещё не знаю, почему мы тут на самом деле, рада ли я этому, но чувствую: этот город

хранит секреты, которые мне только предстоит разгадать.

Глава 1

Утро в Гранаде началось не со звука, а с отсутствия.

Не было привычного барабанного дробящего дождя по подоконнику. Вместо него — настырная, навязчивая тишина, которую заполняло лишь жужжание мухи где-то под потолком. Я открыла глаза — и сразу зажмурилась. Прямо в лицо мне бил столб ослепительного, почти белого света. Я глухо застонала и зарылась лицом в подушку, натянув одеяло на голову. Надеюсь поспать ещё хотя бы пол часика...

Но мое счастье длилось недолго. Где-то через минуту дверь с грохотом открылась.

— Дашка, мама завтракать зовет! — проорал в пространство Тёма и, не дожидаясь ответа, убежал назад вниз. Я, не вылезая из под одеяла, швырнула в его сторону подушку. Попала в косяк. С первым днем меня, черт возьми. Я встала с кровати и, подойдя к окну, щёлкнула замком на ставне. Раскрыла жалюзи. Золотой, густой, как мёд, свет хлынул в комнату, ударил в лицо, заставив снова зажмуриться. Он казался ещё сильнее и обливал комнату, заполняя каждый угол, выгоняя остатки сна. Но вид с окна был и правда афигительный! Внизу, в крохотном патио, журчал фонтан. А за красными черепичными крышами в утренней дымке синели го-

ры. Посмотрев немного в окно, поймав на лице уже не слепящий, а тёплый луч, я пошла в душ.

Струи прохладной воды смыли липкость сна. Я нанесла маску на лицо и поймала в зеркале свое отражение — немного чужое, с белыми разводами на коже, как будто я готовилась не к школе а к показу мод. Потом спустилась вниз.

— Ты должна была спуститься 20 минут назад! Ты хочешь опоздать в первый же день? — голос мамы прозвучал как сирена.

Я закатила глаза и плюхнулась за стол.

— И тебе доброе утро, мамуль.

Передо мной стояла тарелка еще с горячей овсянкой и стакан апельсинового сока. Я поковыряла в каше ложкой, спокойно посмотрела на время и доела свою порцию.

— Всё, я переодеваться!

Я поднялась в комнату. Одеда короткую черную тенниску со складками, белую футболку — поло, белые носки и кросовки адидас. Причесалась, вышла из комнаты. «Ключи, проездной, телефон...» Точно, телефон! Забежала в ванную,

закинула телефон в сумку. Вроде готова.

Я вышла из дома. Дверь с глухим стуком закрылась за мной, отрезав мамино «Удачи!». На улице было тихо и пусто. Идеально. Можно было подумать, что я тут своя, а не новенькая, которая боится опоздать первый же день.

Я шла быстро, по булыжникам, сверяясь с памятью. Вот фонтан, вот поворот. Улицы были еще сонные, только где-то за стенами слышался звон посуды. Я уже почти расслабилась, как вдруг...

БАМ!

Из-за угла на полной скорости вылетел кто-то в ярко — синих кроссовках и влетел в меня плечом. Я едва удержалась на ногах, сумка полетела на мостовую.

— Смотри, куда прёшь! -вырвалось у меня по-русски, прежде чем я успела подумать.

— ¡Uy, lo siento, lo siento! — затараторил виновник, подбирая мои тетради. Это был парень лет пятнадцати, с взъерошенными тёмными волосами и таким виноватым лицом, что даже злиться не хотелось.

Я молча посмотрела на него

— Ты новенькая? В Альбайсин? спросил он, оглядывая меня с живым любопытством. — Я Ахнель. Извини ещё раз, я вечно опаздываю! Он сунул мне в руки сумку, махнул и помчался дальше, к зданию школы, что виднелось в конце улицы.

Я даже не заметила, как на втором этаже, в одном из окон, на секунду раздвинулась штора.

Я влетела в школу, когда звонок уже отгремел. В секретариате меня тут же передали завучу — сеньоре Марте. Женщина в строгом костюме оглядела меня с ног до головы одним взглядом.

— Daria? vamos.- И всё. Ни улыбки, ни «добро пожаловать».

Мы прошли по пустому коридору. Она остановилась у двери с табличкой 9-В, распахнула её без стука и буквально втолкнула меня внутрь.

— Tu alumna nueva Elena- Daria-

В классе наступила тишина. Я замерла на пороге, чув-

ствуя, как горят щёки. Пролетела мысль: «Господи, прямо как в кино про новеньких...»

И тут я увидела его. Того самого парня в синих кроссовках. Ахнель. Он сидел с краю и, поймав мой взгляд, широко ухмыльнулся и подмигнул. Рядом с ним какая-то девчонка с каштановым хвостом тут же нахмурилась, уткнувшись в учебник. Двое других парней просто смотрели — один высокий и спокойный, другой худой и в очках.

Учительница, сеньора Елена, вздохнула и махнула рукой.

— Sintate alli al fondo. Садись сзади.

Моё новое место оказалось прямо за спиной у этой четверки.

Первый урок прошел в каком-то тумане. Я ничего не понимала. Учитель говорил быстро, я смотрела в учебник и видела лишь мелькание незнакомых букв. Единственное, что доносилось до сознания—это их голоса.

Они несколько раз обернулись. Сначала тот парень, Ахнель, с ухмылкой. Потом девочка с хвостом бросила на меня колючий взгляд и что-то шикнула ему. Высокий парень обернулся один раз, молча, просто посмотрел. А тот, в очках,

вообще не поворачивался, но я слышала, как он что-то тихо, но четко комментировал про «восточноевропейский акцент».

Я делала вид, что ничего не замечаю. Уткнулась в пустую страницу тетради и рисовала волнистые линии, будто это были конспекты. На самом деле, я слушала. Ловила обрывки фраз:

— ...наверняка ничего не поняла...

— ...Мартин перестань пялиться...

— ...а мне интересно...

— ...София, успокойся...

После урока я подошла к шкафчикам, чтобы убрать лишний учебник. Только потянулась к замку, как почувствовала пристальный, прожигающий взгляд на своей спине. Я обернулась.

Два парня. Один — высокий, с тёмными волосами и такой уверенной ухмылкой, что аж бесит. Второй — строгий, в очках, с лицом человека, который вот-вот начнёт читать нотации.

— Чё смотрите? — выпалила я.

Тот, что повыше, не отвёл глаз. Он смерил меня взглядом с ног до головы, медленно не торопясь. Но не по хамски. С интересом.

— Извини, — сказал он. Голос был низким, тёплым, с лёгкой хрипотцой.

— Просто... никогда не видел таких.

— Таких это каких? — я скрестила руки на груди.

— Таких... неважно.

Он сделал шаг вперед. Я не отступила.

— Я не экспонат в музее. Захотел посмотреть на русских — открой интернет.

Он тихо рассмеялся, и в его глазах появился какой-то огонек. Азартный.

— В интернете... — голос стал ещё тише.

— Там картинки. Пиксели. А здесь... -Он сделал ещё один, совсем небольшой шаг, сокращая дистанцию до опасной.

— Здесь живая, настоящая реальность. -Он сделал шаг назад.

— Мартин, -представился он. -А это Хулио. Думаю ещё увидимся.

Он посмотрел на меня ещё пару секунд и ушёл.

— Идиот, сказала я себе и захлопнула шкафчик.

На небольшой перемене для обеда я вышла во двор. Солнце поднялось ещё выше и жарило теперь по-настоящему по-испански.

Кто-то ел в столовой, но большая часть разбрелась по двору: сидели кучками на ступеньках, на парапетах, за столами, громко споря о чём-то или играя в уно. Я нашла-нет, отвоевала — единственный свободный столик в тени раскидистого дерева.

Первым делом-телефон. Я набрала Ксюху. Обычный звонок. Она взяла почти сразу.

— Даш! Наконец-то! Я уже думала, ты в этом своём солнечном раю про всех забыла!

— Да ну тебя, фыркнула я, но не могла сдержать улыбку. Я уже соскучилась по всем, не могу.

— И я по тебе тоже, дура! -Засмеялась она. -Бросила меня тут одну. Летать к тебе-целое состояние.

Мы потрепались так пару минут-про ерунду, про школу там.

— Слушай, тут у нас столько красавчиков ходит. Испанские гены, что с них взять. Как найду их в соцсетях — обязательно тебе скину.

— А это интересненько! -оживилась Ксюша. — А ктонибудь конкретный уже есть?

Я рассказала про Анхеля, в которого врезалась, и про того, у шкафчиков — Мартина.

— Мартин... Звучит как имя из сериала.

И что, тоже красавчик?

— Ну... да, -призналась я. -Но придурок ещё тот. Наглый. И тут есть одна, София, я ей почему то сразу не понравилась. Смотрит, будто я ей что-то должна.

Мы поговорили ещё пару минут, пока Ксюше не пришлось бежать по делам. Я упёрлась локтями в стол и открыла заметки в телефоне.

«12 сентября. Первый день. Солнце бьёт в глаза. Встретила идиота по имени Мартин. Есть подозрение, что он звезда местного масштаба...» Я что-то строчила, пытаюсь поймать ощущения, чтобы потом, когда-нибудь, может-быть, использовать в сюжете.

— Привет. Можно?

Я вздрогнула. Рядом стояла девочка. Невысокая, с тёмными, собранными в беспорядочный пучок волосами и большими, немного грустными глазами.

— Да, конечно, — сказала я, откладывая телефон.

— Я тоже новенькая, — сказала она, садясь. Говорила по-испански с мягким, приятным акцентом. -Меня зовут Мила. Мы переехали сюда из Аргентины. Полгода назад.

— Дария. Из России. Мы тут где-то полмесяца, а в школе тут, я первый день.

— Я видела, как ты утром разговаривала с Мартином, - осторожно сказала Мила, покручивая в руках бумажную салфетку. — Он... Он мне очень нравится. С тех пор как я приехала.

Я кивнула. Понятно всё.

— Мы с ним не друзья, - сказала я. -Он просто подошёл представиться. Но я могу вас познакомить, если хочешь. Без проблем.

Её лицо засияло.

— Правда? Это было бы... супер! Мы могли бы тогда все вместе тусоваться. Новенькие же должны держаться вместе, да?

«Ну, в теории да», — подумала я. Хотя мысль стать «мостиком» между влюблённой девочкой и наглым парнем меня не особо привлекала.

— Ага, — сказала я. — Посмотрим. Если увижу его, под-

зову.

Зазвенел звонок. Мила вскочила.

— Спасибо! Увидимся!

Она скрылась в толпе. Я медленно собрала вещи.

После урока, который к счастью оказался у нас с Милой вместе, мы пошли к шкафчикам. Договорились погулять — мама разрешила, раз Мила тут уже многое знает, мама ей решила довериться.

Сначала подошли к её шкафчику на другом конце коридора, потом двинулись к моему. Когда мы подходили, я сразу их увидела — Мартин, Хулио и Анхель стояли кучкой у своих шкафчиков прямо напротив моего ряда. Они о чём-то спорили, но замолчали, когда мы появились.

Мартин обернулся. Его взгляд сразу нашёл меня и зацепился. Он даже бровью не повёл в сторону Милы — будто её не существовало.

— О, смотрите, кто пришёл, — сказал он, и в его голосе прозвучала знакомая лёгкая издевка, но теперь в ней было больше интереса, чем утром. — Что-то берёшь или просто

со мной увидаться захотела?

Я проигнорировала его вопрос, открывая свой шкафчик. Мила сжала мою руку так, что кости хрустнули.

— Больно же, — прошипела я ей. — Успокойся.

Он сделал шаг через коридор, остановившись в паре метров. Хулио и Анхель наблюдали за этим, как за футбольным матчем.

— Утром ты была боевая, а теперь слово сказать не можешь. Испугалась меня?

Я резко обернулась и сначала затормозила от неожиданности — он стоял ближе, чем я думала.

— Мартин, — резко сказала я, стоя на месте. — Если что, это не я выбирала, где будет мой шкафчик. Так что, к твоему сожалению, я пришла не на тебя посмотреть.

На его лице промелькнула наглая, самодовольная ухмылка. Он любил, когда огрызались.

— Жаль, — парировал он. — А я-то думал, ты специально напросилась в этот ряд. И даже подружку для приличия

привела. — Он наконец скользнул взглядом по Миле, который тут же вернулся ко мне. — Или это она тебя привела?

— Кстати, это Мила. Ты ей понравился, — сказала я спокойно. — Она хотела с тобой познакомиться.

Мила чуть покраснела и встала ближе ко мне.

Мартин медленно перевёл на неё взгляд. Он смотрел секунду — не как на человека, а как на предмет, который надо вежливо отметить.

— Привет, Мила, — произнёс он ровным, пустым тоном, будто отвечал на уроке, когда не знает ответа. И тут же, не давая ей ни секунды на ответ, снова ко мне: — Ну что, миссию выполнила? Я свободен или у тебя там ещё очередь стоит?

Мила вздрогнула, будто от щелчка. Её рука выпустила мою. Я видела, как её лицо стало каменным. Она молча развернулась и пошла прочь, слишком быстро, почти бегом.

— Мила, стой! — крикнула я ей вслед, но она уже скрылась за поворотом.

Я обернулась к Мартину.

— Ты что, не мог нормально девочке ответить? — зашипела я.

Он не смутился. Наоборот, его глаза блеснули — будто он этого и ждал.

— А что не так? Я сказал «привет». По-моему, вполне нормально, — он пожал плечами с преувеличенным непониманием. — Или тебе не понравилось, как я сказал? Может, научишь, как надо?

— Да не в «привете» дело! Ты на неё даже не посмотрел!

— А... — он медленно кивнул, и на его лице появилось притворное просветление. — То есть проблема во взгляде. Понятно. — А как, по-твоему, надо было на неё смотреть? — его голос стал тише, почти интимным. — Как на тебя?

— Иди ты, — бросила я, разворачиваясь, чтобы уйти.

И тут его рука легко, но цепко схватила меня за запястье. Не больно, но достаточно, чтобы остановить.

— Отпусти.

— А если нет? — он посмотрел на меня без улыбки теперь. Взгляд был серьёзным, изучающим. — Ты что, думаешь, вот так — пришла, устроила сцену, послала меня и уйдёшь?

— Я не устраивала сцену! Ты сам не мог нормально ответить девочке!

— Он отошёл, подняв руки в знак капитуляции. — Ладно. Беги к своей подружке. Только знай... — он наклонился чуть ближе, и его шёпот был таким тихим, что его слышала только я. — ...в следующий раз, когда захочешь на меня наорать, делай это без свидетелей. Интереснее будет.

Я выдернула руку, чувствуя, как по коже, где он держал, бегут мурашки.

— Больше не будет «следующего раза», — прошипела я.

— Посмотрим, — усмехнулся он и сделал шаг назад, давая дорогу. — Удачи в поисках. Она, наверное, уже у ворот плачет.

Я не стала ничего отвечать. Просто пошла, обернувшись по дороге, показала ему средний палец, и ушла.

Я вышла со школьного двора. Ослепительное сентябрьское солнце ударило с такой силой, что в глазах потемнело — я снова забыла, что теперь живу в солнечной стране. Воздух над раскалённым асфальтом дрожал, как над мангалом. Я зажмурилась, давая зрению прийти в себя. На руке всё ещё остался небольшой след от того, как Мартин сжал моё запястье.

Беспокоилась ли я о Миле? — спрашивала я себя, медленно обходя здание школы. Не то чтобы беспокоилась. Мы ведь даже не подруги. Но ситуация мне знакома: не взаимная любовь — это ужасно. Что ли, женская солидарность сработала, или что-то такое.

Я завернула за угол, и моё дыхание на секунду перехватило. Граната открывалась во всей своей красе: где-то вдали, на горе, белела Альгамбра, а прямо передо мной, уткнувшись лбом в колени, на низком каменном парапете сидела Мила. Она была совершенно неподвижна, словно ещё один элемент пейзажа — маленький, сгорбленный, залитый солнцем и пылью. Вся её болтливая энергия с перемены куда-то испарилась, оставив лишь эту хрупкую оболочку.

Я сделала шаг, потом ещё один, чувствуя, как гравитация этого грустного зрелища тянет меня вниз. Остановилась в паре метров, не зная, с какой стороны подойти.

— Эй, — наконец выдавила я, и мой голос прозвучал хрипло от непривычной тишины вокруг. — Как ты там?

— А тебе-то какое дело? — Тон её был плоским, безжизненным.

— Не обязательно отвечать так грубо, — ответила я. — Я вообще-то редко кого прихожу поддержать, на самом деле. Мартин... он же и правда идиот, по нему видно.

Я села рядом, но так, чтобы между нами оставалось расстояние.

— Подумаешь, не так ответил. Может, просто разволновался, не знаю, или ещё что-то. Но в любом случае, чтобы ты не подумала... он мне точно не нравится. Поэтому, даже если вдруг ты считаешь, что он ко мне проявляет больше внимания, я к нему внимание точно не проявлю. И мы сделаем так, чтобы ты его добилась. Я тебе обещаю. Мне на него вообще все равно

Мила вытерла нос тыльной стороной ладони и посмотрела на меня. Слез не было, а в её глазах появился новый, хищный блеск, который мне не очень понравился.

— Ладно, — сказала она, и её голос снова приобрёл оттенок той самой болтливой девочки с перемены, но теперь в нём чувствовалась сталь. — Обещание принимается. Но если он тебе правда не нравится... — она прищурилась, изучая моё лицо, — ...значит, ты мне не будешь мешать. А ещё... будешь моим информатором.

— Чего? — я не поняла.

— Ну знаешь! — она нетерпеливо махнула рукой. — Будешь рассказывать, что он любит, о чём говорит, с кем общается. Всё, что узнаешь. Ведь вы же теперь «знакомы». Договорились?

Это было уже слишком. Я хотела поддержать, а не вступать в шпионские игры.

— Мила, я не собираюсь...

— А гулять пойдём? — перебила она, вдруг вскакивая и отряхивая пыль с юбки. Всё её уныние как рукой сняло. — Ты же хотела город посмотреть? Я покажу тебе пару крутых мест. А по дороге... можешь начать с того, что он тебе там у шкафчиков сказал. Кроме «привет», конечно.

Она уже улыбалась, но улыбка была какой-то... деловой. Я

снова вздохнула. Похоже, я ввязалась во что-то более сложное, чем простой конфликт из-за парня. Но одной гулять и вправду не хотелось.

— Ладно, — сдалась я, поднимаясь.

Мы вышли за школьные ворота, и Мила сразу повела меня в лабиринт узких улочек Альбайсина.

— Ну так что, — начала она без предисловий, — о чём вы там так долго говорили у шкафчиков? Кроме «привет», я имею в виду.

— Да почти ни о чём, — пожала я плечами, стараясь идти по неровной брусчатке и не споткнуться. — Он просто... выделялся

— О, это на него похоже, — кивнула Мила, будто эксперт. — За полгода я кое-что про него собрала. Он живёт недалеко отсюда, в старом доме с садом. Учится неплохо, но не ботаник. Любит футбол и старые фильмы ужасов. И, — она снизила голос, — все говорят, что он и его друзья иногда... пропадают. Не на уроках, а после. Будто у них есть свои тайные дела.

— Может, просто в кальянную ходят? — предположила я.

— Может, — согласилась Мила, но в её тоне слышалось сомнение. — А его друзья... Хулио — умник, Анхель — душа компании, а София...

— София девушка Ахнеля, я уже поняла, — перебила я.

— Ты быстро сообразила. Тут недалеко кофейня.. Может за холодным коктейлем зайдём?

Мы завернули в кафешку, которая находилась в маленьком дворике-патио, заставленном горшками с цветами. Мы заказали два огромных стакана с клубничным коктейлем и уселись в тени.

— Ладно, хватит о нём, — сказала Мила, отпивая через соломинку. — Надоело уже. Расскажи лучше про Россию. Там правда всегда холодно и все ходят в ушанках?

Я рассмеялась.

— Нет, не все. Но холодно — да. Особенно где я жила. Иногда так, что дыхание замирает. А здесь... — я жестом обвела наш солнечный дворик, — здесь как на другой планете.

Мы разговорились. Она рассказала про Буэнос-Айрес, про то, как скучает по друзьям и по настоящему мате (ихний чай). Я — про Томск, про ледяную зиму, и про то, как странно не слышать русскую речь на каждом шагу. Разговор как-то сам собой стал глубже: про родителей, которые всегда работают, про страх ничего не добиться, про то, как сложно быть «вечной новенькой».

Мы вышли из кафе, прихватив с собой почти допитые коктейли. Солнце уже висело низко, окрашивая белые стены домов в розовато-золотой цвет. Разговор как-то сам собой свернул туда, куда обычно сводят разговоры двух почти незнакомых, но внезапно сблизившихся девочек — к парням.

— А у тебя в России был кто-то? — спросила Мила, причмокивая соломинкой.

— Ну... был один, — призналась я, чувствуя, как немного краснею. — Но это было так по-детски. Смски, прогулки после школы. Ничего серьёзного.

— А тут? Кроме Мартина, я имею в виду, — она подмигнула.

— Да никого тут! — засмеялась я. — Я же три дня как

тут. Хотя... — я на секунду задумалась о том, как Анхель виновато улыбался. — Нет, никого.

— У меня был парень в Аргентине, — сказала она вдруг тихо. — Мы даже... ну, ты поняла. — Она сделала многозначительную паузу, и я поняла. — А потом мы переехали. Он сказал, что будет писать. А теперь даже не читает сообщения.

— Козёл, — констатировала я.

— Ага, — она вздохнула. — Но зато теперь я знаю, что хочу от парня. Не такого.

Мы шли молча пару минут, каждая в своих мыслях.

И тут свет погас. Вернее, не погас, а потускнел до тлеющего уголька. Мы шли мимо ряда старинных фонарей на стене, и они один за другим, как по команде, схлопнулись из ярких точек в тусклые, жёлтые, почти мёртвые пятна. Стало резко темнее и... тише. Даже наши шаги по брусчатке звучали приглушённо.

Мы замерли, вцепившись друг в друга.

— Что за... — начала я.

И тут же, так же резко, свет вернулся. Яркий, белый, обычный. Как будто ничего и не было.

— Фух, — выдохнула Мила, отпуская мою руку. — Напряглись. Наверное, перепады напряжения. В этих старых районах вечно с электричеством проблемы.

— возможно.. -ответила я.

Но у меня в животе осталось холодное странное ощущение.

— Кстати, о странностях, — сказала Мила, видимо, чтобы разрядить обстановку, ускорив шаг. — Ты слышала местную байку? Её все старшеклассники друг другу шепчут. Про «безмолвных».

— Про кого? — спросила я. Название резануло слух.

— Ну, типа местных призраков, «Silenciosos» повторила она на Испанском. Говорят, они похожи на людей, но очень бледные. И когда они рядом, всё вокруг... затихает. Музыка в наушниках, разговоры, даже звук шагов — всё становится ватыным, как из-под воды. И свет тускнеет, как сейчас, — она кивнула на фонари. — А ещё... — она понизила голос

до драматического шёпота, — ...говорят, если увидишь, как они открывают рот, то внутри — полная темнота. Или что-то очень острое. Но это, наверное, уже для пущего страха додумали.

— И что, они... опасные?

— Легенда гласит, что они забирают людей. Ненадолго. А когда те возвращаются, то становятся... тише. Безразличнее. Будто их настроение или сила воли куда-то утекает. Но это же просто байки! — Мила махнула рукой, но я заметила, как она нервно оглянулась. — Про них рассказывают лет сто, наверное. Все думают, что это просто такая городская страшилка про старые кварталы.

— А сейчас? Сейчас их кто-нибудь видел? — не удержалась я.

— Ну, иногда кто-то говорит, что видел какого-то бледного типа в плаще, но... — она пожала плечами. — Мало ли чудиков в городе. Ходят слухи, что есть даже группа ребят в нашей школе, которые в эту легенду верят настолько, что якобы с ними борются. Ну, типа, охраняют район. Но это, скорее всего, бред, чтобы крутыми казаться.

Мы свернули с узкой улочки на чуть более широкую, об-

саженную апельсиновыми деревьями. Воздух пах жасмином и пылью. И тут — резкий визг тормозов, смех и лязг цепи.

Навстречу нам, расталкивая пешеходов, неслась ватага парней на велосипедах. Их было четверо, одеты небрежно-модно, лица залиты заходящим солнцем. Они неслись по тротуару, не собираясь сворачивать.

— Эй, осторожно! — крикнула Мила, отшатнувшись и случайно задев меня плечом.

Но было поздно. Один из них, рыжий и веснушчатый, проносясь в сантиметрах от нас, с силой крутанул педаль. Из-под крышки велосипеда вырвался веер брызг — он влетел прямо в глубокую, застоявшуюся после недавней чистки фонтана лужу.

Ледяная грязная жижа обрушилась на нас стеной. Я закрыла лицо руками, но почувствовала, как холодные капли стекают по шее за воротник, как намокли носки в кроссовках.

— ¡Qué hijos de puta! ¡Mirad por dónde vais! — закричала я им вслед по-испански, срываясь на хрип от ярости.

Но те лишь махнули рукой, и их смех растворился в пе-

реулке. Я стояла, вся в грязи, ощущая, как по спине бежит неприятная струйка воды. Это был идеальный финал для идеального дня. Сначала идиот Мартин, потом тяжелый разговор, городская легенда, нагоняющая мурашки, и теперь вот это. Хотелось просто исчезнуть.

— Вы в порядке? — раздался спокойный незнакомый голос справа.

Я обернулась. Из открытых дверей небольшой мастерской по ремонту велосипедов вышли двое. Один — высокий, с дружелюбным открытым лицом и всклокоченными светлыми волосами. Второй — пониже, крепкого телосложения, с коротко стриженными темными волосами и внимательными карими глазами. На обоих были рабочие комбинезоны, запачканные машинным маслом.

— А вы как думаете? — сказала я, даже не вопросом, а как факт, пытаясь скрыть раздражение. — Эти придурки вечно носятся, как угорелые.

— Позвольте, — сказал светловолосый. Он скрылся в мастерской и через мгновение вернулся с рулоном бумажных полотенец. Вторым парень молча протянул Миле чистую тряпку.

— Спасибо, — пробормотала я, вытирая лицо и руки. Холодная грязь на коже постепенно сменилась теплом от смущения. Мила отряхивает юбку с деловым видом.

— Вы из Альбайсина? — спросил светловолосый, пока мы приводили себя в порядок.

— Я новенькая, — сказала я. — Всего полмесяца тут. Я Дария, а это Мила.

— Я Лео. А это мой напарник, Самуэль. Мы тут эту лавочку держим. Если что с велосипедом — обращайтесь. Или даже если без велосипеда, — добавил он с такой непринуждённой обаятельностью, что я невольно улыбнулась.

Самуэль молча кивнул в нашу сторону. Его взгляд скользнул по моему всё ещё мокрому рукаву, но ничего не сказал. И по запястью, где у меня всё ещё остался след от Мартина.

— Надеюсь, велосипеда я больше в этой жизни никогда не увижу, — сказала я, сминая грязные салфетки в руке.

Лео фыркнул, и в его глазах мелькнуло понимание.

— Знакомое чувство, — сказал он. — У нас тут каждый день кто-то привозит разбитое корыто после таких же гонок.

Ладно, не принимай близко к сердцу. Мы как раз уходим, — он снял комбинезон, и под ним оказалась простая серая футболка. — Может, проводим вас? Эти улочки к вечеру — не самое безопасное место. Особенно если у вас теперь личная вендетта с велосипедистами.

Я посмотрела на Милу. Та пожала плечами: мол, почему бы и нет.

— Если не помешаем, — сказала я, наконец выкидывая комок мокрых салфеток в ближайшую урну.

— Какая там помеха, — Лео махнул рукой и повернулся к двери, чтобы запереть мастерскую.

Лео щёлкнул замком на дверях мастерской, проверяя, хорошо ли защёлкнулось.

— Всё, можно идти. Кто куда?

Оказалось, что Мила и Лео живут буквально в соседних домах на одной из первых улиц Альбайсина.

— Ты шутишь? — фыркнула Мила, когда Лео назвал номер своего дома. — Я в сорок втором, ты в сорок четвёртом! Как мы раньше не пересекались?

— А ты часто заглядываешь в гаражи, где парни в масле ковыряются в железе? — ухмыльнулся Лео.

— Ну, теперь, наверное, буду, — парировала Мила, и в её голосе прозвучала лёгкая, игривая нотка.

Мы пошли вместе, но почти сразу наша четвёрка разделилась. Лео и Мила, увлечённые открытием соседства, пошли чуть впереди, оживлённо обсуждая какие-то общие места в районе — лавочку у фонтана, того самого продавца churros.

Я и Самуэль невольно отстали, и никто не стал это исправлять. Было тихо и спокойно. Вечерний воздух уже не палил, а лишь грел, пахнув жасмином и нагретым за день камнем.

— Ну что, — сказала я после минутного молчания, — им, кажется, и без нас хорошо.

Самуэль кивнул, и в уголке его губ дрогнуло что-то похожее на улыбку.

— Лео умеет располагать к себе. Это его суперсила.

— А твоя? — спросила я, решившись на лёгкую провокацию. — Молчание — золото?

Он на секунду задумался, глядя под ноги на неровную брусчатку.

— Наблюдение, наверное, — сказал он наконец. — Лео говорит, я — смотрю. Часто видишь больше, когда не говоришь.

— И что ты успел увидеть сегодня? — спросила я, любопытство перевесило осторожность.

Он посмотрел на меня, и его взгляд был не таким отстранённым, как раньше. Заинтересованным.

— Что ты не из тех, кто пасует. Даже когда вся в грязи и явно не в своей тарелке. Утром огрызалась Мартину. Сейчас вот — идёшь, пытаешься разговорить незнакомого парня, который молчит, как рыба.

— Ну, как видишь, не очень-то получается, — я вздохнула с преувеличенной драмой.

Тут он рассмеялся. Коротко, тихо, но искренне. Это был приятный, грудной звук.

— Получается, — сказал он. — Я же заговорил. С Лео я

иногда по полдня молча в гараже могу просидеть.

— Значит, я особенная? — сорвалось у меня, и я тут же пожалела, чувствуя, как горит лицо. Блин, Дария, ну что за фраза!

Он не смутился. Наоборот, его глаза чуть сощурились от улыбки.

— Можешь считать так. Новенькие всегда вносят... свежую струю.

Мы дошли до развилки. Впереди Лео и Мила уже останавливались у её подъезда, прощаясь.

— Мне вот сюда, — кивнул Самуэль на улицу, уходящую вверх, в сторону более современных многоэтажек. — А тебе, если не ошибаюсь, ещё пара кварталов прямо.

Я кивнула. Странное чувство — не хотелось, чтобы эта спокойная прогулка заканчивалась.

— Ладно... — начала я.

— Провожу, — сказал он просто, как само собой разумеющееся. — Там фонари через один горят, тротуар раздол-

банный. Упадёшь, ещё одна травма добавится к сегодняшнему списку.

Я хотела отказаться, сказать, что справлюсь, но почему-то просто кивнула.

— Спасибо.

Мы пошли дальше, уже вдвоём. Разговор как-то сам собой пошёл легче. Я рассказала, как в Томске в сугробах проваливалась, он — как в детстве разбил коленку, спасая котёнка с дерева в соседнем парке. Он оказался не молчуном, а человеком, который просто не тратит слова на пустое. И когда говорил — это было что-то стоящее.

Когда мы наконец остановились у моего дома, я с удивлением обнаружила, что не хочу прощаться.

— Ну... вот, — сказала я, указывая на дверь. — Спасибо, что проводил. И... за компанию.

— Не за что, — он стоял, засунув руки в карманы, и смотрел не на дом, а на меня. — Завтра в столовой. Лео будет ждать отчёта, что я тебя не растерял по дороге.

— Передашь, что жива-здорова, — улыбнулась я.

Он кивнул, сделал шаг назад, будто собираясь уходить, но задержался.

— И, Дария... — его голос стал чуть тише, серьёзнее. — Несмотря на то, что сегодня было... весело, — он с трудом подобрал слово, — будь осторожна. Этот район, школа... Здесь не всё так просто, как кажется. И некоторые люди — тоже.

Он не назвал имён, но мы оба поняли, о ком речь. О Мартине и его друзьях.

— Я поняла, — тихо сказала я.

— Хорошо. Спокойной ночи.

— Спокойной, Самуэль.

Он развернулся и пошёл обратно, его силуэт быстро растворился в сгущающихся сумерках. Я долго стояла у двери, ощущая на щеках лёгкий ветерок и странное, тёплое чувство внутри. День, начавшийся с ослепляющего солнца и наглого парня у шкафчиков, закончился тихой прогулкой и тихим, но искренним смехом другого.

Гранада всё ещё была полна секретов. Но теперь у меня появлялись и союзники. И, возможно, даже друзья.

Дверь дома пахла жареным картофелем и чем-то пряным — мама явно пыталась освоить местную кухню. В прихожей стоял гул голосов — папа что-то рассказывал, перебивая самого себя, Тёма и Лёша спорили из-за игрушки.

— Даш, это ты? — раздался голос мамы из кухни. — Иди ужинать, всё остывает!

Я скинула кроссовки, всё ещё слегка влажные от утренней росы и вечерних брызг, и прошла на кухню. За столом сидели все. Папа выглядел уставшим, но довольным, мама — слегка взвинченной, но в её глазах горел азарт. Братья были просто братьями.

— Ну как, наш первооткрыватель? — спросил папа, откладывая телефон. — Выжила в диких землях Андалусии?

Я плюхнулась на стул и потянулась к салатнице.

— Выжила. Более-менее. Утром влетела в парня, потом другой пристал у шкафчиков, потом меня облили грязью с велосипеда, а потом ещё познакомилась с мальчиками из вело мастерской, которые меня проводили.

Воцарилась секундная тишина. Мама замерла с половником в руке.

— Это... всё за один день?

— Да, — вздохнула я. — А у вас как?

Оказалось, что у всех был свой «первый день».

Папа рассказывал про коллег, которые пытались говорить с ним на ломаном английском и показывали жестами, где кофеварка. Мама — про огромный супермаркет, где она два часа искала сметану, а нашла только какой-то «крем-фреш». Тёма хвастался, что подружился с мальчиком из Бразилии, который научил его слова «мяч» на португальском. Лёша просто сказал, что в садике давали вкусную паэлью, и всё.

Мы ели, смеялись, перебивали друг друга. И в какой-то момент я поймала себя на мысли, что впервые за долгое время чувствую себя... частью чего-то целого. Не просто Дашей, которая вечно мёрзла в Томске и мечтала о тепле. А частью этой новой, шумной, немного безумной жизни под Гранадским солнцем.

Но даже за этим тёплым, семейным столом в углу со-

знания шевелилось что-то другое. Вспоминался тяжёлый, изучающий взгляд Мартина. Шёпот Милы о «Безмолвных». Спокойный, предостерегающий тон Самуэля. И его тихий смех в вечерних сумерках.

Этот город не просто был другим. Он был живым. И в его жизни теперь была и я.

Позже, уже лёжа в кровати и глядя в потолок, по которому проплывали отсветы уличных фонарей, я думала о завтрашнем дне. О столовой, куда меня пригласили. О компании Мартина, которая казалась такой закрытой и опасной. О новых лицах, которые уже стали немного ближе.

Первый день закончился. Но что-то подсказывало, что всё самое интересное — только начинается

Глава 2

Утро началось не с палящего солнца в глаза и не с криков младших братьев. Сегодня я проснулась от стука в дверь. Лёгкого, но настойчивого.

— Дари, открывай! А то я сама зайду!

Голос Милы. Я с трудом открыла глаза и посмотрела в сто-

рону двери. Она была приоткрыта- в ярко-жёлтой кофте с двумя пакетами в руках, от которых пахло чем-то сладким, стояла Мила.

— ¡Hola! Твои родители меня пустили. Они такие милые! Ты ещё даже не встала?

Она проскользнула внутрь, будто бывала здесь сто раз.

— Я принесла чуррос. И решила, что раз уж мы теперь почти соседки и подруги, будем ходить в школу вместе. Надеюсь, ты не против? Ты ведь вечно опаздываешь. Даже сейчас, если бы я не зашла, ты бы ещё спала и опоздала.

Я села на кровати, потягиваясь и протирая глаза, пытаюсь сообразить, что происходит.

— Мила, сейчас семь утра... Я поспала всего часа два.

— Именно! -Она улыбалась во весь рот. -Надо ложиться раньше. Так вот, мы же хотим успеть на первую перемену, а не на первый урок, верно? Иди умывайся, я пока соберу тебе одежду.

Прежде чем я успела что-то сказать или встать с кровати, она уже подошла к шкафу и распахнула дверцу.

— Так... что тебе сегодня одеть? -Спросила она, перебирая вещи.

Я молча встала и поплелась в ванную. Когда вышла, на кровати уже лежал собранный лук: короткие свободные джинсовые шорты с бахромой по краям, простая чёрная футболка-оверсайз с принтом какой то популярной испанской группы и мои верные белые кроссовки. На стуле висела лёгкая рубашка в клетку- на случай, если к вечеру подует прохладный ветерок.

Мила стояла, скрестив руки, с довольным видом.

— Одобряешь?

Я подошла к кровати.

— Ну, шорты мои. А футболка откуда? — Я потрогала ткань.

— А, это группа «Cupido». Они местные, крутые. Думаю, тебе пойдёт. У старшего брата одолжила, -она посмеялась.

— Ого, у тебя есть старший брат? Ладно... Одобряю, — улыбнулась я, натягивая шорты. — Выгляжу просто прекрас-

но.

— Так и есть! — Мила сбросила мне в лицо рубашку. — Теперь давай быстрее, а то чуррос остынут!

Я забежала перед выходом на кухню и поцеловала маму в щёку. Мы вышли с Милой из дома и пошли прямо по улице. На улице уже было, конечно же, жарко, пахло жасмином и свежим хлебом. Мила сунула мне в руку тёплый чуррос, и мы пошли, болтая о чём-то неважном: о погоде, о дурацкой домашке по испанской литературе, о том, как здорово, что у нас теперь есть своя маленькая компания.

— Кстати, — сказала Мила, облизывая пальцы от сахарной пудры, — забыла тебе сказать, мы вчера с Лео переписывались и договорились встретиться на повороте.

Я хотела что-то ответить, но не успела. На том самом повороте, где вчера мы разошлись с ними, мы их и увидели. Лео и Самуэль стояли, прислонившись к стене. Лео помахал нам, улыбаясь во весь рот.

— ¡Buenos días, chicas! — крикнул он, отходя от стены.

Мила просияла. Я почувствовала лёгкое облегчение — идти в школу не вдвоём, а вчетвером было как-то веселее.

Но неожиданно: изначально меня никто не предупредил об этом.

Мы пошли вместе. Лео болтал без умолку, Самуэль молчал. Я шла позади, о чём-то думала.

На большой перемене Мила буквально потащила меня к столу, где уже сидели Лео и Самуэль. Лео что-то рассказывал, жестикулируя, а Самуэль слушал, изредка вставляя короткие, точные реплики. Мы подсели к ним.

Разговор катился сам собой — про музыку, про планы на выходные. И вот в какой-то момент Самуэль, до этого молчавший, тихо сказал, обращаясь ко мне:

— Мартин на тебя сегодня так долго смотрел. Ты ему явно понравилась.

— Мартин? Какой Мартин? — я махнула рукой, делая вид, что с трудом вспоминаю. — А, тот придурок. Точно. Ну и пусть смотрит, мне-то что?

Самуэль прищурился.

— Ну, как знаешь, — сказал он.

— Просто самовлюблённый тип, которому скучно. Нашёл новую игрушку — русскую девочку. Пройдёт неделя, забудет, кто я такая.

Самуэль отпил колу из банки.

— Я Мартина знаю давно. Он явно на тебя смотрит не как на игрушку.

— Да ладно тебе, — отмахнулась я. — Может, и влюбился. Какая разница? Неинтересно это обсуждать.

В этот момент свет в столовой потух. Не погас, а именно помутнел. Потом раздался звонок, который тоже был как будто заглушённым.

— Видимо, перепады с электричеством, — сказали мы почти в один голос.

После чего пошли на урок.

Сейчас у нас была физика. Тема урока — изучение слуха и частот. Мы сидели с Милой за одной партой, на третьей от окна. Учитель, сеньор Ривера, сначала объяснил теорию, а потом с торжественным видом достал специальный генератор тонов для демонстрации порога слышимости.

— Человеческое ухо, — объявил он, поправляя очки, — слышит в диапазоне от 20 до 20 000 Герц. Сейчас я включу частоту 19 000 Герц. Её слышат по-разному: те, кто помоложе и чей слух ещё не испорчен наушниками, — громче. Те, кто постарше, как я, — уже не так отчётливо. Ну что, готовы проверить?

Он щёлкнул выключателем.

Сначала — тишина. А потом, будто из самой глубины комнаты, донёсся тонкий, пронзительный писк. Он не просто долетал до ушей — казалось, он проходил сквозь кости, доходя до нашей парты волной сжатого воздуха.

Кто-то засмеялся — нервно, неуверенно. Кто-то поморщился: «Фу, противно!». Кому-то, наоборот, звук даже понравился — один парень даже начал под него покачивать головой.

А для меня... это было не противно. Это было ужасно, физически больно. Как будто кто-то воткнул раскалённую спицу прямо в висок и медленно проворачивал её. Я вся напряглась, инстинктивно вжалась в стул, зажмурившись и прижав ладони к ушам. Но заглушить этот звук было невозможно — он шёл изнутри, будто мой собственный череп стал резонатором.

натором. Мама предупреждала: «Избегай этого звука, дочь. При нём мы беспомощны. Остаётся только терпеть».

Это не просто звук. Это был скальпель, режущий что-то внутри — что-то, что обычные люди не чувствуют. Что-то, что было частью меня.

Учитель выключил прибор. Звук смолк, оставив в ушах высокое, назойливое эхо.

— Ну что? Кто понял суть работы прибора? — спросил он, оглядывая класс.

Класс загалдел, зашумел, заспорил. Я сидела, не двигаясь, стараясь дышать ровно. В висках стучало, в ушах ещё звенело. И я чувствовала на себе взгляд. Сзади. Тяжёлый, пристальный, неотрывный.

Я медленно, будто против своей воли, обернулась.

Мартин сидел, откинувшись на спинку стула, и смотрел прямо на меня. Не на учителя, не на прибор, не на окно — на меня. Его взгляд был не насмешливый — он был удивлённо-изучающим. Заметив странную реакцию, он смотрел на мои всё ещё прижатые к вискам пальцы, на моё, должно быть, бледное лицо и чуть сбитое дыхание.

И в его глазах читалось только удивление. Он знал, что для кого-то этот звук просто мерзкий. Но не настолько. Не до такой степени.

Наши глаза встретились на секунду. Он не отвёл взгляд. В его глазах промелькнуло что-то вроде вопросительного интереса. Он не улыбнулся, не кивнул. Просто продолжил смотреть ещё пару секунд, как будто записывая мою реакцию в память. Потом, наконец, отвёл взгляд и уставился в учебник, приняв вид полной отстранённости.

После урока ребята предложили пойти в сад у школы. Я сказала им идти, пообещав, что позже догоню их, и уткнулась в телефон, отвечая на сообщение от Ксюши. Шла, не глядя по сторонам, и врезалась во что-то твёрдое.

— Смотри куда идёшь, — раздался знакомый голос надоевшей мной.

Я подняла глаза. Мартин. Он стоял, слегка потирая плечо, на которое я пришлась всем весом. В его глазах не было злости — скорее усталое раздражение.

— А ты не видел, что я в телефоне и ничего не вижу? Не мог отойти, что ли? — огрызнулась я.

Он приподнял бровь, и раздражение в его взгляде сменилось на лёгкую, едва уловимую усмешку.

— Так, значит, врезалась ты, увлечённая своим телефоном, а виноват я? — он сделал шаг в сторону, давая пройти.
— Логично.

Я двинулась вперёд, но он заговорил снова:

— Ты, видимо, не из тех, кому понравился тот звук на физике.

— Ага, он противный, — ответила я спокойно, не оборачиваясь.

— А мне казалось, ты вот-вот начнёшь орать от боли.

Я остановилась и медленно обернулась.

— Это не из-за звука. Звук не настолько противный. Просто плохо стало, и всё.

Я зашла в туалет, плеснула себе на лицо холодной воды и пару минут просто стояла, упираясь ладонями в раковину, пока пульсация в висках не утихла. Когда вышла, в коридоре

уже никого не было — ни Мартина, ни его друзей.

В саду ребята сидели на скамейке под раскидистым деревом. Мила что-то оживлённо рассказывала Лео, размахивая руками, а Самуэль молча наблюдал, попивая воду из бутылки. Я подсела к ним, стараясь выглядеть обычной.

— Всё в порядке? — спросила Мила, сразу переключаясь на меня. — Ты выглядишь... уставшей.

— Да ничего, просто голова немного, — соврала я, улыбаясь. — От жары, наверное.

Мы разговорились о чём-то неважном — о планах на выходные, о новом фильме, который все смотрели. Я почти расслабилась. Почти.

И тут — опять.

Сначала просто лёгкое давление в ушах, как при взлёте самолёта. Потом тонкий, едва уловимый писк, который, казалось, шёл не откуда-то извне, а изнутри моей собственной головы. Он был точно таким же, как на уроке, только тише, приглушённое — будто кто-то включил тот же генератор, но на минимальной мощности.

Я замерла, невольно вцепившись в край скамейки. Моё дыхание сбилось. Инстинктивно я подняла глаза — и увидела его.

Мартин сидел за соседним столиком с Хулио и Ахнелем. Он не смотрел в мою сторону. Казалось, он был полностью поглощён разговором. Но на столе перед ним лежал его телефон. И экран был включён. На нём горела программа-генератор частот. И бегунок стоял на 19 000 Гц.

Он даже не пытался это скрыть. Это был тест. Чистой воды проверка.

Я резко опустила глаза, стараясь дышать ровнее. Не показывай. Не давай ему понять, что ты чувствуешь. Но было поздно — я уже дёрнулась, уже изменилась в лице. И он это видел. Точно видел.

Через несколько секунд звук прекратился. Давление в ушах спало. Я медленно выдохнула, чувствуя, как по спине пробежали мурашки.

Когда я снова рискнула поднять взгляд, Мартин уже убрал телефон. Он что-то говорил Хулио, и вдруг — будто почувствовав мой взгляд — обернулся прямо ко мне. Его глаза встретились с моими, и на его губах расплзлась та самая

наглая, самоуверенная ухмылка, которая так бесила меня ещё вчера у шкафчиков. Никаких кивков, никаких намёков — просто откровенное, почти дерзкое удовольствие от того, что он меня раскусил.

Он даже не стал это скрывать. Просто ухмыльнулся, медленно отвел взгляд и снова повернулся к Хулио.

Уроки закончились. Я пошла к своим шкафчикам, стараюсь идти быстро и не оглядываться. Но он уже ждал. Мартин стоял, прислонившись к соседнему шкафчику, скрестив руки на груди.

Я сделала вид, что не замечаю его, открыла свой шкафчик и начала убирать лишние учебники.

— Ты же врёшь, — раздался его голос сзади.

Я не обернулась, продолжая возиться с книгами.

— Тебе не просто не нравится этот звук. Ты его слышишь по-другому. Глубже. Болезненнее. Как будто он режет тебя.

Я захлопнула шкафчик с таким грохотом, что эхо прокатилось по пустому коридору, и развернулась, уходя в сторону выхода. Он, конечно же, пошёл за мной. Его шаги чётко

отдавались позади.

— Я не закончил, — сказал он, уже ближе.

— Мне всё равно, — бросила я через плечо, ускоряя шаг.

— Эй, — протянул он. — Тебе настолько не нравится эта тема? Ладно, поговорим о чём-нибудь другом.

Я промолчала, выходя из школы. Солнце ударило в лицо. Он снова догнал меня и зашагал рядом так естественно, будто мы всегда так ходили.

— Давай о погоде. Жарко, да? Говорят, завтра будет ещё жарче. А ты любишь жару или тоскуешь по своим сибирским снегам?

Я не ответила, глядя прямо перед собой, но кинула на него короткий взгляд.

— Или о еде. Ты уже пробовала местные тапас? Нет? О, зря. Есть одно местечко за углом, где делают крошечные картофельные омлеты — это просто бомба. Хочешь, покажу?

— Отстань, — процедила я сквозь зубы.

— Ага, значит, и о еде тоже не хочешь, — он сделал паузу, и в голосе появилась довольная нотка. — О чём же тогда? О твоей новой лучшей подружке Миле? Она, кстати, сегодня на меня пялилась так, будто я экспонат в музее. Забавно.

Я резко остановилась и повернулась к нему.

— Экспонат в музее — это моя фраза. И ещё она — не моя лучшая подруга. Я не пойму — тебе просто нравится меня бесить, ведь так?

Он остановился тоже, и на его лице расплылась та самая широкая, наглая ухмылка.

— О, так ты ещё и авторские права на фразы хранишь? — Он покачал головой с преувеличенным уважением. — А насчёт подруги... Жаль. Она явно думает иначе.

Он сделал паузу, и его взгляд стал чуть серьёзнее.

— А насчёт бесить... Может быть. А может, мне просто интересно, сколько ещё минут ты сможешь делать вид, что я не существую, пока иду за тобой прямо до твоего дома.

— Ты не дойдёшь до моего дома, — сказала я, но в голосе уже слышалась неуверенность.

— Посмотрим, — парировал он и снова тронулся в путь, на этот раз впереди меня, обернувшись и идя задом наперёд. — Я же хороший парень. Провожу новенькую. Мало ли что...

— Не дай Бог тебя увидят мои родители через окно, — сказала я.

— А что, так? — Он снова вернулся, шагая рядом.

— Не очень хочу отвечать на все вопросы, заданные мамой по поводу тебя, — добавила я, глядя прямо перед собой.

Он рассмеялся — коротко, но искренне.

— О, значит, я уже настолько важен, что о мне будут спрашивать? Прямо польщён.

— Только в твоих мечтах, — ответила я, не сдерживая лёгкой усмешки.

Он только усмехнулся в ответ, но больше не комментировал. Мы шли оставшийся путь почти молча — он впереди, я чуть позади. Когда мы подошли к соседнему дому от моего, он наконец остановился и повернулся ко мне.

— Ну вот и всё. Миссия выполнена — новенькая доставлена целой и невредимой.

— Да, теперь ты, к сожалению, знаешь, где я живу, — сказала я, стараясь звучать беззаботно, но внутри ёкнуло.

Он приподнял бровь, и на его губе дрогнула тень улыбки.

— Не переживай. Я не из тех, кто приходит без приглашения. Он сделал паузу.

— Возможно.

Он улыбнулся — уже не нагло, а как-то по-другому, почти что... понимающе — и развернулся. Не сказав больше ни слова, он ушёл быстрым шагом, не оглядываясь.

Я открыла дверь и сразу услышала гул голосов из гостиной. Только хотела пройти на кухню, как из-за угла выскочил Тёма с широко раскрытыми глазами.

— А кто тебя провожал? — выпалил он без предисловий.

Я замерла. В этот момент из комнаты выглянула мама.

— Кто тебя там провожал?

— Да никто меня не провожал! Я сама пришла. Мам, просто какой-то тип неподалёку шёл, но я была не с ним!

Мама посмотрела на меня пристально, потом вздохнула.

— Ладно. Разувайся, проходи. У нас гости.

Я разулась, не зная, кто там. Зашла в гостиную с тем же серьёзным, слегка отстранённым лицом, с которым ходила в первый день в школе. В гостиной сидели незнакомцы: женщина с мягкими чертами лица и усталой улыбкой — тётя Ира, мужчина с внимательным взглядом — дядя Антон, и девушка года на два младше меня — то есть около тринадцати. Светловолосая, в зелёных глазах читалось живое любопытство. На ней были рваные джинсы и чёрная футболка с принтом какой-то испанской группы.

Все замолчали, когда я появилась. Мама встала, жестом приглашая меня ближе.

— Даша, это твоя тётя Ира и дядя Антон из Мадрида. Они переехали туда лет двенадцать назад, когда Ира уже ждала Карлу. А это Карла — твоя двоюродная сестра. Она родилась уже в Испании, русский понимает, но говорит в основном на

испанском. Как-нибудь договоритесь.

Я кивнула, сохраняя маску равнодушия. Двоюродная сестра. Из Мадрида. Русская, но испанка. Ничего себе сюр-приз.

Тётя Ира поднялась и осторожно обняла меня, сказав, что видела меня ещё совсем маленькой — мне было годика два, когда они уезжали.

Потом Карла поднялась и, улыбаясь, сказала на чистом испанском:

— Привет. Меня зовут Карла. Кажется, мы родственницы. Странно, да?

Её тон был таким непринуждённым и дружелюбным.

— Дария, — сказала я.

В этот момент мама, ставившая на стол салатницу, мельком глянула на меня и приподняла бровь.

— А что это у тебя за футболка, дочь? Я вроде такую не покупала.

— Это... старшего брата Милы, — быстро объяснила я, чувствуя, как щёки начинают гореть. Звучало тупо, но другого объяснения не было.

Мама покачала головой, но ничего не сказала — видимо, решила не устраивать допрос при гостях. Но её взгляд говорил ясно: «Потом поговорим.»

Карла, тем временем, улыбнулась.

— Значит, у тебя уже есть друзья тут. Это хорошо. Мне в Мадриде в первые полгода было одиноко, пока не влилась в компанию.

Мама кивнула в сторону моей комнаты.

— Иди переодевайся и садись за стол. Ужин уже готов.

Я кивнула и пошла наверх, чувствуя, как взгляд Карлы провожает меня. В комнате я быстро сняла футболку Милы и надела свою — простую серую, без принтов, и чёрные обычные велосипедки.

Когда вернулась, все уже сидели за столом. Разговор шёл на смеси русского и испанского — тётя Ира и дядя Антон говорили по-русски, но с акцентом и иногда спотыкались на

словах. Карла в основном молчала, но внимательно слушала, изредка что-то комментируя по-испански.

— Так ты в какой школе? — спросила тётя Ира, обращаясь ко мне.

— В IES Albayzín, — ответила я. — Неподалёку отсюда.

— А нравится? — встряла Карла, уже на испанском.

Я пожала плечами.

— Пока привыкаю. Вчера первый день был.

— О, первый день — это всегда стресс, — засмеялась она. — Я в свой первый день в мадридской школе случайно села не на тот автобус и оказалась в другом районе. Пришлось звонить папе, чтобы меня спасал.

За столом все рассмеялись. Даже я улыбнулась, но чуть наигранной улыбкой. Атмосфера постепенно разряжалась.

После ужина мама отправила меня помогать убирать со стола, а гости остались в гостиной. Карла встала и пошла за мной на кухню.

— Можно помочь? — спросила она тихо.

— Ну если хочешь, — кивнула я, передавая ей тарелку.

Мы стояли у раковины, и тут она, не глядя на меня, сказала:

— Ты какая-то напряжённая. Это из-за футболки? Или... из-за того парня, который тебя провожал?

Я обернулась и уставилась на неё. Она не смотрела на меня, мыла тарелку, но уголки её губ были слегка подняты.

— Какой парень?

— Тот, что стоял на углу, когда ты заходила в дом. Высокий, в тёмном. Я видела из окна. — Она наконец подняла глаза.

— Я не знаю о чем ты. Отрезала и поставила в шкафчик последнюю тарелку.

Домыв посуду, я ушла в комнату и засела в телефоне. Уже ближе к часу ночи в дверь постучали.

— Да? — тихо сказала я.

Дверь приоткрылась, и в проёме показалась Карла в пижаме с рисунком котов, с подушкой под мышкой.

— Не спишь? — спросила она, уже не шёпотом, а обычным, слишком уж бодрым голосом. — Можно к тебе? Сидеть одной в гостевой скучно, а в телефоне зависать уже надоело.

Я кивнула, не выражая особой радости. Она ввалилась внутрь и плюхнулась на свободный край кровати с той непринуждённостью, которую я пока не чувствовала.

— Ну что, — сказала она, устроившись поудобнее. — Рассказывай, как тут живёшь? Я тут на два дня, а мы даже нормально не поговорили. А ведь мы же сёстры, вроде как. Теперь в одной стране — можно будет видаться чаще. Если, конечно, подружмся.

Её тон был открытым, дружелюбным, почти восторженным. Слишком быстрым. Я медленно отложила телефон и посмотрела на неё, не отвечая улыбкой на улыбку. Просто ждала.

— Знаешь, это здорово, что вы переехали, — продолжила Карла, немного сбавив обороты под моим молчаливым взглядом. — У меня в Мадриде не так много... ну, родствен-

ных душ. А тут ты.

— Ага, — сказала я нейтрально. — Неожиданно, конечно. Я даже не знала, что у меня есть кузина в Испании.

— Вот и я тоже! — она засмеялась, но смешок прозвучал чуть напряжённо. — Ладно, не буду тебя грузить. Давай о чём-нибудь лёгком. Например... — она прищурилась, — ... о том парне, что тебя сегодня провожал. Я из окна гостиной видела. Высокий, в тёмном. Вид у него... не из простых.

— Я же сказала, — ответила я, голосом плоским и окончательным. — Там никого не было. Тебе показалось.

Карла замолчала на секунду, изучая моё лицо. Её улыбка не исчезла, но стала более пронизательной, менее солнечной.

— Окей, — легко согласилась она, как будто и не настаивала. — Значит, показалось. Бывает. Тогда про завтра. Что тут можно посмотреть за два дня?

— Не знаю. Но я уже уверена, что родители что-то подготовили на эти два дня. — пожала я плечами.

— Ну, значит, узнаем только завтра, что нас ждёт, — ска-

зала Карла.

Она не стала меня грузить дальше, а просто устроилась поудобнее и начала рассказывать какую-то смешную историю про свой первый день в испанской школе. Я слушала, сначала скептически, потом невольно улыбаясь. Она умела рассказывать. А потом как-то само собой — я начала отвечать. Не сразу, не потоком, а осторожно, по кусочкам.

Оказалось, мы смеёмся над одним и тем же. Над тупыми ситуациями с учителями, над родительскими закидонами, над тем, как сложно бывает объяснить испанцам, что в России не все ходят в ушанках и не ездят на медведях. Разговор покатился сам. Мы говорили о музыке, о книгах, о том, как странно чувствовать себя немного чужим и там, и тут. Я не была такой же тёплой и дружелюбной, как она в начале вечера, но напряжение ушло. Смех стал искренним. У нас появились свои шутки, свои взгляды, которыми мы обменялись без слов.

Я и не заметила, как пролетело время. Когда за окном начало сереть, а мы, обложившись подушками, всё ещё что-то шептали и смеялись, я поняла, что на часах уже около 4ех утра.

— Блин, — сказала Карла, зевнув во весь рот. — Мне уже

идти через стену лень.

— Оставайся тут, — махнула я рукой. — Место есть.

Мы сдвинули подушки и устроились на одной кровати. Тишина в комнате была уже не неловкой, а уютной.

Последнее, что я помнила перед сном — это её тихий голос в темноте:

— Слушай, а про «Безмолвных»... это просто байки, да?

Я уже почти спала.

— Наверное, — пробормотала я. — Наверное...

Но даже сквозь сон её вопрос отозвался где-то глубоко внутри тихим, настороженным звонком. Она спрашивала не как турист. Она спрашивала как кто-то, кто уже что-то знает. Или хочет узнать.

Но сейчас, слыша её ровное дыхание рядом, я думала о другом. Похоже, в этой новой, чужой жизни у меня появился не просто родственник. Появился человек, который, возможно, станет другом.

Глава 3

Суббота.

Проснулись мы от моего будильника — противного, визжащего, который я поставила на восемь, хотя в субботу хотелось спать до обеда. Я потянулась под подушку, нащупала телефон и выключила эту ужасную мелодию. Потянулась, зевнула и потащилась в ванную. Умылась холодной водой, и сон как рукой сняло. Когда вышла, Карла уже сидела на кровати, смотрела на меня заспанными, но внимательными глазами.

— Куда собралась? — спросила она хриплым от сна голосом. — В восемь утра в субботу. Это даже на преступление не тянет — преступники дольше спят.

Я вздохнула, открывая шкаф.

— В школу. На один урок. Мы один важный пропустили, теперь вот отрабатываем.

— В субботу? — Карла скривилась. — Это же нарушение всех человеческих и ученических прав.

— Расскажи это нашей администрации, — пожалала я плечами, доставая одежду. — Придётся идти. Буквально на час.

Карла ещё секунду посидела, обдумывая, а потом резко прыгнула с кровати.

— Ну, раз ты идешь на страдания, я не могу позволить тебе страдать в одиночестве. Буду группой моральной поддержки. И заодно школу твою посмотрю.

— Ладно, собирайся.

Мы оделись наспех — я в

свободные светлые джинсы и бордовую обтягивающую футболку, Карла — в свои рваные джинсы и мою же серую футболку, которую она «одолжила» без спроса. На кухне пахло кофе и свежими тостами. Мама, увидев нас, подняла брови.

— Куда вы собрались так рано?

— В школу мам, история.

— Точно, я уже и забыла.. Карла тебе не обязательно идти.

— Она сама вызвалась, — объяснила я, наливая себе апельсиновый сок. — Мы ненадолго.

— Только сразу после урока — домой, — строго сказала мама. — Мы в одиннадцать выезжаем в Альгамбру. Билеты куплены, опоздать нельзя.

Вот так вот. Культурная программа десантировалась без предупреждения. Альгамбра. Ну что ж, хоть не музей витражей.

— Поняли-поняли, — пробормотала Карла, уже намазывая тост маслом. — Успеем.

На улице было тихо и пусто. Солнце уже припекало, но воздух ещё оставался свежим. Школа в таком безлюдьи выглядела незнакомо, почти чужой — огромное, молчаливое здание. Калитка для учащихся была, как и ожидалось, приоткрыта. Я толкнула её, и скрип железа гулко разнёсся по пустому двору.

— Жутковато, — констатировала Карла, оглядываясь. — Прямо декорации для хоррора про учителей. Ну что, ведёшь в логово?

— В логово, — кивнула я и повела её по пустому, гулкому коридору к кабинету истории на втором этаже.

Дверь в кабинет была приоткрыта. Из-за неё доносился

голос учителя и... другие голоса. Несколько. Значит, не я одна такая сознательная. Я на секунду замерла перед дверью, слушая. Карла притихла за моей спиной.

Я толкнула дверь.

В полупустом классе сидело человек десять. Сеньор Ривера что-то чертил на доске. И среди этих десяти — они. Мартин, Хулио, Ахнель и София. Сидели кучкой у окна. Мартин что-то говорил Хулио, но замолчал на полуслове, когда его взгляд упал на меня в дверях.

Потом его глаза медленно переползли на Карлу. Брови поползли вверх. На губах расплзлась та самая, знакомая, раздражающая полуулыбка.

— О, — тихо произнёс он, но в тишине класса это прозвучало на весь кабинет. — Новенькая привела подкрепление. Интересно.

Я, проходя мимо его стола к своему месту, коротко и чётко показала ему средний палец — не таясь, чтобы видел только он. Потом развернулась и села. Карла молча последовала за мной и устроилась рядом.

— А это разве не тот парень, что был в окне? — прошеп-

тала она мне в ухо, когда сеньор Ривера отвернулся к доске.

— Говорю уже, там никого не было. Ты его с кем-то путаешь, — отрезала я шёпотом, открывая тетрадь.

Урок вёлся вяло. Сеньор Ривера говорил о войнах в Европе, но его голос звучал глухо и монотонно, будто и сам он не понимал, зачем мы здесь в субботнее утро. Я старалась конспектировать, но периферией зрения видела, как Карла украдкой изучает ту четвёрку. Особенно Мартина.

После урока мы пошли к шкафчику, чтобы я оставила учебник. Пустой коридор гулко отдавался нашими шагами. Карла шла рядом, оглядываясь по сторонам.

— Так, — сказала она, когда я открыла замок. — Объясни. Это он был в окне. Абсолютно точно. А если ты говоришь, что его не было, значит, ты просто врёшь. Почему?

Я сунула учебник внутрь и резко захлопнула дверцу. Металлический звон прокатился по тишине.

— Карла, отстань.

— Что за секретики? Ты что, вляпалась во что-то? Он тебя шантажирует? Или... — её глаза расширились, — ...вы

вместе в чём-то замешаны? Ты что, сестре не доверяешь?

— Кажется, я мешаю важному разговору, — прозвучал сзади спокойный голос. Мартин остановился в паре метров. Его глаза скользнули с меня на Карлу и обратно. — Новенькая и... ещё одна новенькая? Или родственница? Вы очень похожи. Особенно когда делаете вот это вот сердито-подозрительное лицо.

Карла не растерялась. Она сделала шаг вперёд, прямо на встречу его взгляду.

— Я Карла. Двоюродная сестра. А ты, я так понимаю, тот самый загадочный тип из окна. Которого «не было», — выпалила она, и в её голосе явственно прозвучал сарказм.

Идиотка, — мелькнуло у меня в голове.

Я еле заметно, но резко толкнула её локтем в бок.

Мартин услышал. Услышал её тон и увидел мой жест. Его брови медленно поползли вверх, а в уголках губ заплясали знакомые искорки насмешливого интереса.

— «Не было»? — повторил он мягко, глядя прямо на меня. — Как интересно. А я-то думал, мы так мило вчера про-

гулялись.

— Мартин, заткнись, — сказала я, и мой голос прозвучал резко и неожиданно даже для меня самой.

Он замолчал, но его полуулыбка не исчезла, а только стала шире — теперь в ней читался чистый, безудержный азарт. Он получил именно ту реакцию, на которую рассчитывал — живую, взрывную, не наигранную. И ему это, чёрт возьми, нравилось

Дольше ждать его ответа или новых колкостей у меня не было ни желания, ни времени. Я резко развернулась, толкнула дверцу шкафчика плечом, проверяя, закрыта ли, и пошла к выходу, не оглядываясь.

— Пойдём, — бросила я через плечо Карле. — Мама ждёт. Сказала быстрее домой.

Мы почти бежали по пустым коридорам и выскочили на улицу, где нас тут же обняло тёплое субботнее солнце.

Только когда мы завернули за угол и школа скрылась из виду, я позволила себе выдохнуть.

— Ничего себе, — прошептала Карла, оглядываясь. — Он

тебя... заводит. В прямом смысле. И ты сама видела эту его рожу? Он был в полном восторге!

— Да, — выдохнула я, глядя прямо перед собой на выщербленную брусчатку. — Ему нравится меня бесить. Это его любимый вид спорта.

Карла засмеялась, но смех её был нервным, откликаясь на напряжение, всё ещё витавшее в воздухе.

— Ну, спортсмен, что с него взять, — пробормотала она. — Слушай, а что он имел в виду, когда сказал «мы так мило вчера прогулялись»? Вы что, правда гуляли?

Я замотала головой, чувствуя, как снова накатывает волна раздражения — и на него, и на себя.

— Не «гуляли». Он меня провожал. Ну, или делал вид, что провожает. Навязывался. А я пыталась отделаться. Вот и весь «променад».

Мы дошли до моего дома, где на улице уже вовсю кипела подготовка к отъезду. Родители грузили вещи в машину. Мгновенно нас втянули в эту суматоху — не было ни секунды, чтобы зайти внутрь или перевести дух.

— Садитесь, садитесь, мы выезжаем! — скомандовал папа, хлопая дверцей багажника.

Мы с Карлой послушно уселись на заднем сиденье. Пока родители обсуждали маршрут и настраивали связь с машиной тёти Иры, я смотрела в окно, стараясь отогнать мысли о школе. Из разговора взрослых я уловила, что после Альгамбры нас ждёт парк аттракционов в соседнем городе.

Карла, услышав это, просияла.

— Ура! Наконец-то что-то весёлое!

Экскурсия по Альгамбре прошла медленно и скучно. Мы толкались в толпе туристов, слушали заученный монолог гида о мавританской плитке и вздыхали, поглядывая на часы. Карла зевала и шептала мне на ухо саркастичные комментарии, от которых я еле сдерживала смех. Единственное, что нас спасало, — это мысль о том, что впереди парк.

И вот, наконец, мы приехали.

Парк аттракционов был просто огромным. Глаза разбегались от неоновых огней, музыки, смеха и запаха жареного сахара. Башни американских горок упирались в закатное небо.

— Ну что, команда, — сказал папа, потирая руки. — Разделяемся! Мальчики с мальчиками — в одну сторону, девочки с девочками — в другую!

Решение было логичным. Разница в возрасте с моими младшими братьями была слишком большой — Тёма и Лёша могли разве что на каруселях посидеть, в то время как нам с Карлой хотелось адреналина. Таскаться с каждым по очереди в таких толпах было бы самоубийством. Поэтому папа, дядя Антон и братья отправились в «детскую» зону с медленными паровозиками и бассейнами с шариками.

А мы — я, Карла, мама и тётя Ира — остались стоять под огромным колесом обозрения, глядя на этот шумный, яркий мир взрослых развлечений.

— Ну, девчонки, — сказала мама, и в её глазах блеснул озорной огонёк, которого я давно не видела. — С чего начнём? Со страшного или с весёлого?

Тётя Ира покачала головой, улыбаясь:

— Вы с девочками начинайте со страшного, а я пойду найду нам столик в кафе и сохраню места. А то от всех этих кружений мне уже дурно.

Мы с Карлой переглянулись. В её глазах читалось то же самое: освобождение. Мама, конечно, была взрослой, но в такие моменты она умела превращаться в самую азартную подружку.

— Со страшного! — хором сказали мы и, взяв маму под руки, потащили её к самым высоким и визгливым американским горкам, что были видны на горизонте.

Дальше мы прокатились на паре самых зверских горок — цеплялись в поручни, кричали так, что хрипели голосовые связки, а выйдя, шатались и смеялись до слёз. Мама оказалась отчаянной — кричала громче нас обеих.

Но адреналин — плохой заменитель еды. После третьего головокружительного виража у меня в животе заурчало так, что Карла это услышала даже поверх шума парка.

— Знаешь, а ведь мы с утра кроме тоста ничего не ели, — констатировала она, пошатываясь после очередного спуска.

Мы побрели в сторону кафе, разыскивая в толпе тётю Иру. Нашли её за столиком у края аллеи, с видом на медленно вращающееся колесо обозрения, которое теперь подсвечивалось тысячами лампочек. На столе уже стояли тарелки с картошкой фри, наггетсами и огромные стаканы с ледяным

спрайтом.

— Я уже всё заказала, — сказала она, улыбаясь. — Догадалась, что вы прибежите голодные как волки.

Мы набросились на еду, болтая и перебивая друг друга, вспоминая самые смешные моменты с горок. В этот момент, за этим простым столом, под неоновыми огнями парка, всё странное и напряжённое, что случилось за последние дни, отступило куда-то далеко. Было просто весело. Было легко.

Пока мы ели, откуда-то из глубины парка донёсся звук. Не просто музыка карусели, а пронзительный, высокочастотный гул, почти неразличимый для обычного уха, но вплетённый в весёлую мелодию. Он был едва уловимым, но я услышала его сразу — таким же острым и болезненным, как тот звуковой скальпель на уроке физики.

Это не было совпадением. Этот звук лежал на той самой границе восприятия, на той частоте, от которой моё тело сжималось в спазме, а разум пронзала ледяная игла тревоги. Это был не просто звук — это был ключ, насильно поворачивающий что-то внутри меня, пытающийся вскрыть то, что я так тщательно скрывала.

Я вздрогнула, и стакан со спрайтом выскользнул из мо-

их пальцев, громко стукнувшись о стол. Лёд и жидкость разлились по скатерти. Моя ладонь инстинктивно прижалась к виску, где пульсировала знакомая, раскалённая боль.

— Даш? — Мама встревоженно наклонилась ко мне. — Ты в порядке? Уронила...

Но я её почти не слышала. Звук нарастал, превращаясь в тот самый невыносимый писк, который сводил с ума. Моё дыхание перехватило. В глазах поплыли тёмные пятна. Я чувствовала, как по коже бегут мурашки — не от страха, а от чего-то другого, от внутреннего сопротивления, от инстинктивного желания заблокировать это, оттолкнуть, защитить свой разум.

— Что с ней? — услышала я голос тёти Иры сквозь нарастающий звон в ушах.

Звук внезапно прекратился, сменившись обычной, громкой музыкой парка. Давление в висках спало. Я сделала резкий, хриплый вдох, будто вынырнув из-под воды.

— Просто... голова закружилась, — пробормотала я, отодвигая мокрую салфетку и избегая взглядов. Мама всё ещё смотрела на меня с беспокойством, но кивнула, принимая объяснение.

После этого происшествия настроение слегка сникло. Мы покатались ещё немного, но уже не с тем бешеным азартом — усталость и странный приступ взяли своё. Зашли в пару магазинчиков с сувенирами, где встретились с вымотанными, но счастливыми папами и братьями, увешанными мягкими игрушками и светящимися браслетами, и дружной гурьбой отправились к машинам.

Дорога домой прошла в тишине и полусне. Я сидела, прижавшись лбом к прохладному стеклу, и думала о том высокочастотном гуле. Он не был случайным. Он был целенаправленным. Как будто кто-то проверял антенну, а моя голова оказалась приёмником.

Мы приехали домой, сходили все по очереди в душ и достаточно быстро все вырубались.

Воскресенье.

Мы встали под обед, как и полагается в нормальное воскресенье после такого насыщенного дня. Завтрак плавно перетёк в поздний бранч, за столом все перебивали друг друга, вспоминая вчерашние горки, крики и разлитый спрайт. Мама мыла посуду, а мы с Карлой пошли наверх собирать её вещи — процесс, растянувшийся на час из-за бесконечных

селфи в зеркале, дурацких поз и хохота.

— Смотри, смотри, — показывала мне Карла на экране фото, где мы обе корчим рожицы. — Это будет наша икона в чате.

Прощаться было тяжелее, чем я ожидала. Машина тёти Иры уже гудела у подъезда, и Карла, закинув рюкзак на заднее сиденье, обняла меня так крепко, что хрустнули кости.

— Ты звони, если что, — сказала она мне в ухо. — По любому поводу.

— Обещаю, — улыбнулась я. — А вы ещё приезжайте к нам.

Машина тронулась. Я стояла на тротуаре, провожая её взглядом, и в самый последний момент, когда машина уже скрывалась за поворотом улицы, мельком заметила в самом её конце, в глубокой тени от стены, силуэт. Высокий, неподвижный. Просто тень. Или нет. Кто это был — Мартин, случайный прохожий, игра света — я так и не поняла. Силуэт не шевелился, не махал, просто стоял. И когда я моргнула, его уже не было.

Вечером, когда в доме воцарилась тишина, а младшие

братья уже сопели в своих кроватках, я закрылась в комнате и набрала Ксюшу. Разговор по видео — это было как глоток воздуха из прошлой жизни. Мы трещали без умолчания: я про парк, про Карлу, она про свои дела в Томске, про школу, про мальчишек. Мы смеялись до слёз, строили планы, как она приедет (обязательно! скоро!), и я даже на секунду забыла про все странности, про силуэты в переулках и про высокочастотный гул.

Мы отключились, пообещав писать друг другу чаще. Я положила телефон на тумбочку, выключила свет и устроилась под одеялом. За окном была тихая гранадская ночь. В голове крутились обрывки вчерашней музыки, вспышки неоновых огней, смех Карлы и тот неподвижный силуэт в конце улицы.

Завтра понедельник. Новая неделя. И, кажется, начало чего-то гораздо большего, чем просто учёба в новой школе.

Глава 4

Понедельник оказался не таким ярким и солнечным, как прошлые дни. Проснувшись утром, я выглянула в окно: небо было затянуто серыми тучами, воздух был тяжёлым, влажным, пахло грозой. Я стояла у окна и пила чай, который мама оставила на тумбочке перед тем, как уйти по делам. Потом сходила в душ и пошла собираться. Надела светлые джинсы-оверсайз и сверху — тонкий классический чёрный лонгслив. На улице хоть и было пасмурно, но всё равно было

душновато, поэтому тепло одеваться не стала.

Я спустилась вниз — дома никого уже не было. Сегодня я взяла рюкзак вместо сумки и вышла из дома, закрыв за собой дверь.

Мила как раз подходила к дому. Увидев, что я уже стою на пороге собранная, она так удивилась, что чуть не выронила два стакана кофе в руках.

— Ты чего? — выпалила она, округлив глаза. — Сама встала? Без моей помощи? Я уже готовилась ломиться к тебе, как в прошлый раз!

— Вчера пораньше легла, — пожала плечами, забирая у неё стакан с латте на кокосовом молоке.

Мы пошли по улице. В такую погоду Альбайсин казался другим — приглушённым, затаившимся. Даже жасмин пах не так ярко, но всё равно было хорошо. Я чувствовала себя как дома.

— Кстати, — начала Мила, покручивая стакан в руках. — Ты мне так и не рассказала, что там в субботу у вас с Мартином было. Я видела, как вы у шкафчиков стояли. Он что, опять приставал?

В её голосе прозвучала знакомая нотка — не просто любопытство, а лёгкая, едва скрываемая ревность.

— Да ничего особенного, — отмахнулась я.

— А та девочка с тобой? Кто это была?

— Карла. Двоюродная сестра. На выходные приехала.

— А, родственница! — Мила слегка оживилась, но её облегчение было слишком наигранным. — Ну, хоть не соперница.

Мы подошли к школе. Я сделала последний глоток латте, толкнула тяжёлую дверь.

Как только зашла, заметила их. Мартин стоял у своего шкафчика, рядом — Хулио, Ахнель и София. Они о чём-то разговаривали, что-то весело обсуждали.

Я пошла к шкафчику и начала брать нужные мне книги. Из их компании доносился смех — Ахнель что-то громко рассказывал. Потом — лёгкий шум, шаги, и кто-то встал прямо у соседнего шкафчика, слева от меня.

На секунду я подняла глаза. Мартин. Он рылся в своём шкафчике спиной ко мне. Я снова отвернулась к своим учебникам.

Он что-то там искал, ворча себе под нос. Потом резко хлопнул дверцу, обернулся... и случайно задел мой рюкзак, висевший на плече.

— Ой, — сказал он. Не извинился. Просто констатировал факт.

Я посмотрела на него. Он смотрел на меня. Впервые на его лице не было той самой раздражающей ухмылки. Он выглядел слегка рассеянным. В руках он держал потрёпанный блокнот в чёрной обложке.

— Ты... — он начал и замолчал, будто подбирал слова. — Ты не знаешь, какой следующий урок? У Риверы?

Я посмотрела на него с подозрением.

— Литература, — ответила я. — Если что, прямо в двух шагах от тебя висит расписание.

— А, точно, — кивнул он задумчиво, постукивая блокнотом по ладони. — Скукота.

Он сделал паузу. Потом, глядя куда-то мимо моего плеча, спросил:

— А ты... рисовать умеешь?

Вопрос был слишком неожиданным и левым. Я повернулась, застёгивая рюкзак с учебниками.

— Что? — спросила я, не понимая, к чему он клонит.

— Ну... рисовать. Карандашом там, — он пожал плечами, наконец посмотрев мне в глаза. В его взгляде не было издевки. Было настоящее, глупое, детское любопытство. — У меня тут... для одного дела нужно. Карту скопировать. А я с этим не очень. Все линии кривые получаются.

— Ну, умею, — ответила я, надевая рюкзак на одно плечо.

— В натуре? — Его брови полезли наверх, и на его лице появилось не притворное, а самое настоящее изумление, словно я только что призналась в чём-то нереальном. — То есть ты реально можешь... ровные линии?

Он посмотрел на блокнот в своей руке, потом на меня, будто оценивая нестыковку.

— Ну, ровные, — пожала я плечами, стараясь звучать равнодушно. — Это не суперспособность, Мартин. Этому в детском саду учат.

— В моём детском саду учили только лепить колобков из пластилина, которые потом разваливались, — парировал он, и уголки его губ дрогнули в почти улыбке. — Ладно. Значит, теоретически... ты могла бы помочь. Если бы захотела.

Он сделал паузу, ожидая. Его взгляд стал пристальным, но уже не любопытным, а вычисляющим. Он ждал моих условий.

— Ну, теоретически да, — согласилась я. — Смотря что мне будет за эту помощь?

Он усмехнулся, и в его глазах вспыхнул тот самый знакомый азарт.

— Во-первых, — начал он, — я делаю за тебя домашку по физике. Скажем... два месяца. Во-вторых, достаю билет на любой новый фильм, на который захочешь сходить. Ты же в курсе, как сложно попасть в кинотеатр, когда выходят премьеры.

Он выдержал паузу, изучая мою реакцию.

Я посмотрела на него, стараясь сохранить безразличное выражение лица.

— Два билета, — сказала я ровно. — Тогда помогу.

Мартин замер на секунду, и на долю секунды усмехнулся той самой раздражающей улыбкой.

— Ожидаемо, — сказал он, потом продолжил: — Два билета? — повторил он, и в его голосе зазвучала смесь удивления и нескрываемого одобрения. — Ага. Значит, хочешь взять с собой кого-то. Милу, наверное? Или, может, уже наметила себе спутника получше?

В его тоне снова проскользнула знакомая, лёгкая колкость, но теперь она была направлена не на то, чтобы задеть, а чтобы прощупать почву. Ему было интересно.

Я не стала отвечать на его намёки.

— Два билета, — повторила я твёрдо. — И домашку по физике на два месяца. Карту я нарисую идеально.

Он усмехнулся.

— Одна лишняя кривая линия — и сделка сгорает, — сказал он.

— Не переживай, — улыбнулась я. — Я закончила пять лет архитектурной школы. Уж с линиями я разберусь.

Мартин замер. Его улыбка спала с лица, сменившись на задумчивость.

— То есть ты закончила архитектурную школу? — спросил он.

— Ну да, — ответила я. — А ты думал, что в России такого нету?

Он не смутился. Наоборот, его глаза сузились, в них загорелся острый, почти хищный интерес.

— Нет, я не это, — он махнул рукой, отмахиваясь от стереотипа. — Я о том, что это меняет дело. Кардинально.

Он посмотрел на свой потрёпанный блокнот, потом на меня. Взгляд его стал тяжёлым, переоценивающим.

— Пять лет архитектурки... Значит, ты умеешь не про-

сто рисовать. Ты умеешь читать планы. Масштабы. Видеть структуру.

Он говорил это не как комплимент, а как констатацию стратегически важного факта.

— Ну да, а что в этом такого? — сказала я, посмотрев на него с недоумением.

Вместо ответа он вдруг протянул руку и легко взял у меня телефон прямо из рук. Я даже пикнуть не успела.

— Эй! — вырвалось у меня, но он уже смотрел на экран.

Он не спросил пароль. Он просто провёл пальцем по экрану каким-то быстрым, странным движением — и телефон разблокировался. Тихо. Без звука.

Я остолбенела. Как?..

— Не спрашивай, — бросил он, не глядя на меня, уже печатая что-то в заметках. — Полезный навык.

Он закончил, вернул мне телефон и тут же развернулся, чтобы уйти.

— Дом Ахнеля, — бросил он через плечо. — Адрес в заметках. После уроков. Придёшь — нарисуешь, получишь билеты.

И он растворился в толпе, оставив меня стоять с телефоном в онемевших пальцах.

Я медленно просунула телефон в задний карман джинс и, захлопнув свой шкафчик, пошла в ту сторону коридора, где находились шкафчики Милы.

Она уже заканчивала собираться, закидывая на плечо ярко-розовую сумку.

— Ну наконец-то! — встретила она меня, закатив глаза. — Я уже думала, ты снова влипла в разборки со своим бойфрендом.

— Чего? Он не мой бойфренд, — автоматически огрызнулась я, проверяя, взяла ли всё необходимое. Голос прозвучал ровнее, чем я ожидала.

— Ну да, ну да, — фыркнула Мила. — Ладно, пошли на урок.

Мы поспешили по коридору, смеясь и обсуждая что-то.

Мы зашли в кабинет биологии. Биология мне нравилась, поэтому я что-то записывала, слушала, периодически общалась с Милой.

Прозвенел звонок с последнего урока — в связи с городским праздником половину уроков отменили.

— Ну что, пойдём домой вместе? — спросила Мила, собирая вещи.

— Ой, извини, мне сегодня надо в другую сторону, — быстро сказала я. — Мама попросила встретить её с магазина. Увидимся завтра?

На лице Милы промелькнула тень разочарования и лёгкого подозрения, но она кивнула.

— Ладно. Передавай привет маме.

Мы разошлись у школьных ворот. Я постояла минуту, глядя, как её розовая сумка мелькает в толпе, а потом достала телефон. Адрес в заметках смотрел на меня упрямо и безжалостно.

Я свернула в узкий переулок, ведущий вглубь Альбайси-

на, в сторону, противоположную дому. Солнце, пробивавшееся сквозь тучи, отбрасывало длинные, искажённые тени. Воздух пах влажным камнем и далёкой грозой.

Я подошла к дому Ахнеля и постучала. Дверь открыла его мама — милая, улыбчивая женщина с добрыми глазами, в фартуке, пахнущем чем-то домашним и вкусным.

Я мило улыбнулась его маме, стараясь выглядеть максимально безобидно и вежливо.

Из-за её спины в дверном проёме появился Ахнель, а за ним — Мартин, прислонившийся к косяку. На его лице читалось привычное выражение лёгкой иронии.

— Мам, это к нам, — сказал Ахнель, жестом приглашая меня внутрь.

— Ого, — тихо протянул Мартин, когда его мама, пожелав нам хорошо провести время, удалилась на кухню. Его глаза скользнули по моей вымученной улыбке. — Ты что, умеешь улыбаться?

Я тут же сбросила маску вежливости и посмотрела на него с прежним холодком. Ну не со всеми же я сука.

В комнате уже были Хулио, София и ещё одна девушка, которую я раньше не видела — высокая, с короткими тёмными волосами и внимательным, оценивающим взглядом. Все замолчали, когда я вошла. София сразу же уткнулась в телефон. Хулио лишь молча кивнул, а незнакомая девушка молча изучала меня с ног до головы.

Мартин, игнорируя атмосферу, шагнул к столу, раздвинул груды бумаг и вытащил оттуда потрёпанный, пожелтевший лист. Это был не просто набросок, а старый, рукописный план какой-то системы тоннелей. Линии были неровные, местами расплывшиеся, а по краям красовались непонятные пометки на испанском и какие-то странные символы.

— Вот, — он положил лист передо мной. — Нужно перенести это на чистовик. Только аккуратно, сохраняя все пропорции и эти значки. Масштаб указан тут, в углу.

Я посмотрела на карту. Это была явно карта города — настолько подробная, что на ней была каждая улица, каждый дом, каждое здание. Кажется, даже были отмечены те закоулки, которых нет на обычных картах. Конечно же, я задумалась над тем, зачем им это, но не спросила.

Я села за стол, достала из рюкзака свою чертёжную папку с карандашами разных твёрдостей, ластиком-клячкой и ли-

нейкой. Привычные действия успокаивали. Я включила настольную лампу и погрузилась в работу.

Пока я чертила, в комнате воцарилась тишина, нарушаемая лишь шелестом бумаги, скрипом карандаша и тихим гулом их разговора. Они о чём-то спорили шёпотом, но я ловила лишь обрывки: «...проверить старый вход...», «...сегодня после 19:05...», «...сигнал был слабее, значит, далеко...». София бросала на меня колючие взгляды, явно недовольная моим присутствием.

Мартин периодически подходил, стоял за моим плечом и молча наблюдал. Его близость была раздражающей, но я старалась не отвлекаться.

— Неплохо, — наконец произнёс он, когда я закончила переносить основной контур. Его голос прозвучал прямо у моего уха, тихо. — Очень даже неплохо. Видно, рука набита.

Я не ответила, сосредоточившись на прорисовке тех самых странных символов. Один из них напоминал перевёрнутую каплю с глазом внутри, другой — три переплетённых кольца.

Через полчаса я закончила. Чистый, аккуратный чертёж лежал на столе. Мартин взял его, внимательно изучил и кив-

нул, одобрительно щёлкнув языком.

— Сделка есть сделка, — сказал он, доставая из кармана два билета. — Завтра, восемь вечера, кинотеатр «Сервантес». Фильм выбирай сама. И про домашку по физике можешь забыть на два месяца.

Он протянул билеты. В этот момент из его кармана выпал ещё один предмет — небольшой, похожий на брелок, с крошечным зелёным светодиодом. Он тихо пискнул, когда ударился об пол, и светодиод замигал тревожным красным.

Мартин нахмурился, мгновенно нагнувшись и подобрав его. Весь его вид изменился — исчезла расслабленность, взгляд стал острым, сконцентрированным. Он обменялся быстрым взглядом с Хулио.

— Что это? — спросила я, указывая на устройство в его руке.

— Ничего. Глушилка для вай-фая, — отмахнулся он, но его голос звучал напряжённо. — Глючит.

Я взяла в руки телефон, демонстративно посмотрела на экран. «Кажется, wi-fi тут хорошо работает. Видимо, сломалась ваша глушилка», — сказала я ровным тоном и, взяв два

билета из его руки, поднялась наверх. Я мило попрощалась с мамой Ахнеля и вышла на улицу.

Вернувшись домой, было уже темно. Закат давно сменился густыми гранадскими сумерками, а по дороге я то и дело наступала в длинные холодные тени от фонарей. Воздух пах вечерней прохладой и жасмином — обычный, безопасный, знакомый запах

Дома мама встретила меня на кухне.

— И где это ты пропадала? — спросила она, помешивая что-то в кастрюле.

— Забежала к однокласснику, — ответила я, стараясь звучать естественно, пока снимала кроссовки. — Отдавала конспект по физике. Он пропустил.

Объяснять, что я чертила какую-то параноидальную карту подземелий для компании почти-врагов, я не хотела.

— Ужинать будешь?

— Позже, мам. Я устала.

Я поднялась в комнату, переоделась в пижаму и плюхну-

лась на кровать. Билеты в кино я положила на тумбочку. Они лежали там, яркие и многообещающие, как алиби для нормальной жизни. Сон пришёл не сразу, но он пришёл. Без снов, просто как чёрная дыра усталости.

На следующий день в школе всё было как обычно. Солнце, гул голосов, запах чистящих средств из столовой. После второго урока у нас с Милой, Лео и Самуэлем была общая большая перемена. Мы обычно собирались в маленькой зоне отдыха возле библиотеки — там стояли два потертых диванчика и пара кресел, и туда редко заглядывали учителя.

...В этом холле сидело несколько кучек ребят, и в том числе та самая компания — Мартин, Хулио, Ахнель и высокая девушка, которую я теперь знала как Лауру. Они сидели вполоборота ко мне, что-то оживлённо обсуждая, склонившись над каким-то листом бумаги — возможно, той самой моей копией. Видно было, что они ломают голову.

«Это не может быть здесь, карта явно устаревшая...»

«Но символ совпадает. Три кольца — это метка, а не украшение».

Говорили они, конечно, тихо. Но когда надо — слух у меня хороший. Я не отрывала взгляд от телефона, но каждое

слово ловила, будто оно было написано на экране.

В тот день у нас были уроки в разных концах школы, поэтому я пришла первой. Устроилась в углу дивана, уткнулась в телефон и стала ждать. Я листала ленту, отвечала Карле, которая прислала мем про наш позавчерашний визит в Альгамбру, но на самом деле прислушивалась.

И тут, сама не поняв как, я произнесла вслух, всё так же глядя в свой телефон: «Три кольца — это символика трёх культур. Христианской, мусульманской, еврейской».

В наступившей тишине я наконец подняла глаза. Четверо смотрели на меня. На Хулио было написано чистое недоумение. Ахнель смотрел, будто увидел призрака. Лаура прищурилась.

Я посмотрела на их лица, в которых читалось недоумение и один большой вопрос.

«Вы серьёзно не поняли?» — сказала я, выключая телефон.

Я встала и подошла к их столу, развернув к себе чертёж, который рисовала вчера.

«Смотрите, — я ткнула пальцем в карту. — Здесь всего четыре основных иероглифа. Один из них — эти три кольца. Остальные три символа — у каждого своё происхождение. Этот — христианский, этот — мусульманский, а этот — еврейский. Они не просто так. Они отмечают места».

Я перевела палец на карту города, поверх моего чертежа.

«Три кольца — это не одно место. Это связь. Они указывают на три ключевые точки. Первое кольцо — комплекс Альгамбры, — я показала на дворец и крепость. — Второе — Королевская капелла. Третье — квартал Реалехо. Символ из трёх колец отмечает не четвёртое место, а саму связь между ними. Логично же.

В их глазах недоумение сменилось настороженным, пристальным интересом. Мартин перевёл взгляд с карты на меня.

— С чего ты взяла, что именно эти места? — спросил он, и в его голосе не было привычной насмешки, только плоский, холодный интерес. — В нашем городе памятников к этим трём религиям — десятки. Почему именно Альгамбра, Капелла и Реалехо?

Я посмотрела на него, как на идиота.

— Потому что это не просто три кольца, — сказала я медленно, будто объясняя что-то очевидное. — Это три скрещенных кольца. И на каждом из них — бриллиант.

Я ткнула пальцем в символ на чертеже.

— Подумай. Три места, которые я назвала — не просто памятники. Это ключевые точки. Основа. Альгамбра — власть и история. Капелла — вера и корона. Реалехо — душа и жизнь города. Если где-то и есть «место силы», связывающее всё это воедино, то оно должно быть где-то между ними. А этот символ... — я обвела три переплетённых кольца на бумаге, — он не отмечает четвёртую точку. Он отмечает саму связь. Значит, то, что вам нужно, находится не в каком-то отдельном здании. Оно в том, что их объединяет. В том, что между ними.

Я замолчала. В тишине мои слова повисли тяжёлым, почти осязаемым намёком. Лаура тихо присвистнула. Хулио перевёл взгляд с карты на Мартина. Ахнель смотрел на меня, разинув рот.

Мартин не сводил с меня глаз. Я молча взяла сумку и развернулась, спокойно направившись к выходу.

Как раз в дверях холла появились Лео, Самуэль и Мила. Мила сразу же улыбнулась.

— О, привет! Мы как раз тебя искали. Куда это ты собралась?

— Да никуда, — пожала я плечами, замедляясь. — Просто подумала, что вы уже не придёте. Пойдёмте, у нас же большая перемена — можно погулять во дворе, а то в душно тут.

Мы вышли вместе, и я постаралась отогнать от себя мысли о странной карте, символах и тяжёлом взгляде Мартина. Какая разница? Пусть себе изучают что хотят. Может, это их школьный проект по истории или ещё какая ерунда. У меня и своих дел хватает.

Мы вышли во двор, и я вдохнула полной грудью свежий воздух. Солнце, смех одноклассников, болтовня Милы о новой серии какого-то сериала.

Мы уселись за свободный столик во дворе, и разговор сразу же закружился вокруг планов на выходные и дурацкой домашке по литературе. Я смеялась, кивала, но периферией зрения заметила кое-то странное.

Мой телефон лежал на столе экраном вверх. Только что

на нём горел экран с перепиской. И вдруг — экран погас. Не просто заблокировался. Он отключился полностью, и через секунду на чёрном экране всплыла иконка пустой батарейки с красной полоской.

Я нахмурилась. Это было невозможно. Я же зарядила его с утра до 100%. И сейчас, по моим ощущениям, должно было быть не меньше 80%.

— Что-то не так? — спросил Самуэль, сидевший напротив. Он тоже перевёл взгляд на мой безжизненный телефон.

— Батарея села, — сказала я, стараясь звучать спокойно. — Хотя вчера вечером заряжала. Наверное, глюк.

Я взяла телефон в руки, нажала кнопку питания. Экран на секунду моргнул логотипом, показал тот же значок разряженной батареи и снова погас.

«Странно», — подумала я. Но тут же вспомнила. Нечто похожее — я уже видела. Тот неподвижный силуэт в конце улицы, когда уезжала Карла. Тогда воздух стал ватным, а свет — тусклым. И сейчас, сидя здесь, в безопасности, среди друзей, я почувствовала тот же ледяной холодок под кожей.

Совпадение? Возможно. Но совпадения, которые повто-

ряются, уже перестают быть просто совпадениями.

— Можешь от моего повербанка зарядиться, — предложил Лео, уже роясь в рюкзаке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.